

большой эпизод о кознях Иоанна и приближении племянника Михаила (гл. XX—XXXI). Вновь вернувшись затем к мотиву болезни, Пселл сообщает о набожности и богоугодных делах, которыми занялся император ввиду приближающегося конца (гл. XXXI—XXXVIII). Так, подведя читателя к общей положительной оценке Михаила, Пселл для иллюстрации ее, «выбрав один из многих подвигов», рассказывает о подавлении императором восстания болгар (гл. XXXVIII—XL). Конец повествования о болгарском походе вновь возвращает читателя к доминирующему мотиву — болезни: Михаил вступает в столицу, измученный недугом. Это сообщение позволяет писателю легко перейти к заключительному разделу биографии — смерти самодержца.

Таким образом, и в этом жизнеописании хронологический принцип оказывается внешним и формальным. На самом деле основной раздел биографии представляет собой сумму соединенных ассоциативной связью эпизодов, служащих для характеристики фигуры императора. Хронологический принцип — не более как внешняя рамка, которая «изнутри» разбивается стремлением писателя к обрисовке своего героя³⁴.

Откуда был заимствован писателем этот тип построения биографий? Для ответа на данный вопрос немаловажным представляется тот факт, что аналогичную композицию можно обнаружить в речах Пселла, содержащих характеристику исторических деятелей. В частности, деление характеристики на «предварительную» (чисто эйдологическую) и «детальную» (мнимо-хронологическую) с четкими словесно выраженными границами между ними встречается в речах, посвященных Михаилу Кируларию (Bibl. gr., IV, p. 303 sq.), Константину Лихуду (Bibl. gr., IV, p. 338 sq.), Иоанну Мавроподу (Bibl. gr., V, p. 142 sq.), и в некоторых других. Не говорим уже о словесно-ассоциативной связи, чрезвычайно типичной для композиции многих византийских риторических произведений. Это наблюдение выводит нас за рамки хронографического жанра и вводит в область риторики, знатоком и мастером которой был Пселл. К нему вполне применима характеристика литературного метода Плутарха, данная А. Вайцзекером: Плутарх, пишет немецкий ученый, старался решить исторические проблемы риторическими средствами³⁵.

Установленное нами деление на четыре раздела характерно почти для всех жизнеописаний. Основным из этих разделов, естественно, оказывается «детальная характеристика». Композиционное различие между биографиями более всего сказывается в разнице методов построения этого основного раздела. Принцип словесно-ассоциативной связи соблюдается почти везде, однако во многих жизнеописаниях появляется и нечто новое, о чем речь пойдет ниже. Начнем с биографии наиболее показательной — жизнеописания Исаака Комнина.

Раздел III этой биографии начинается с общих рассуждений о том, почему Исааку не удалось достичь своих целей³⁶ (Chron., II, p. 114—115). Вскоре, однако, Пселл «спохватывается» и заявляет, что для избежания сумбураности повествования последовательно расскажет, во-первых, о том, как чрезмерно расползло тело государства, во-вторых, как Исаак при-

³⁴ К этому же типу биографий с известными оговорками можно отнести и жизнеописание Константина X Дуки, в котором немало признаков чистого энкомия (см. выше). В этой биографии особенно четко выражено деление на «предварительную» и «детальную» характеристику. Границей между ними служит фраза Пселла: «Охарактеризовав этого мужа в общих чертах, я сейчас опишу его более подробно» (Chron., II, p. 140).

³⁵ А. Weizsäcker. Untersuchungen über Plutarchs biographische Technik. Berlin, 1931, S. 59.

³⁶ Пселл заканчивает раздел II этой биографии словами: «Этого достаточно ему для энкомия». Характерно, что термином энкомий писатель обозначает здесь «эйдологический» раздел своего сочинения, по принципам построения действительно напоминающий энкомий.